

Литературныя новости.

(М. Горькій: *Городокъ Окуровъ*. Г. Яблочковъ: *Гибель „Звѣзды“*)

Новая книжка „Знавія“ и еще новый разсказъ М. Горькаго... Удивительной плодovitостью отличается М. Горькій, и эта плодovitость, повидимому, еще усилилась въ жизни на чужбинѣ. На о. Капри онъ живетъ въ мечтахъ о своей далекой, бѣдной родинѣ, съ ея крестьянами, мѣщанами, солдатами, монахами, сыщиками, среди той странной, оригинальной жизни, которая отличаетъ ее.

Только что въ разсказѣ „Лѣто“ выступали крестьяне, теперь въ разсказѣ „Городокъ Окуровъ“ говорится о мѣщанахъ, о томъ междусословномъ, такъ сказать, словіи, которое ни къ чему не прилѣплено, не имѣетъ никакого опредѣленнаго основанія и само какъ бы конфузится за свое беспочвенное существованіе.

— Ты сообрази—говорить въ разсказѣ Горькаго одинъ мѣщанинъ, — отчего твое сердце, подобно маятнику, качается туда-сюда, обманывая всѣхъ, да и тебя самого? Отъ нетвердой земли подъ тобою, братокъ, оттого, что ты человекъ ни къ чему не прилѣпленный, сирѣчь-мѣщанинъ! Надо бы говорить—мѣщанинъ, потому—все въ человекѣ есть, а все — смѣшано, переболгано...

Когда-то въ своей пьесѣ: „Мѣщане“ Горькій въ русскомъ зажиточномъ мѣщанинѣ старался найти тѣ основы, которыя создали выраженіе „мѣщанинъ“, „буржуа“ въ Западной Европѣ. Хотя онъ былъ въ этой пьесѣ реаленъ, но на мѣщанство смотрѣлъ сквозь призму западно-европейской жизни. Теперь въ разсказѣ его выступаютъ уже русскіе оголтѣлые мѣщане, которые не столько живутъ, сколько „околачиваются“.

Въ данномъ разсказѣ Горькаго рисуются не столько лица, сколько силуэты, набросанные мастерской рукой, но все-таки только силуэты. Вѣрнѣе сказать, всѣ лица въ этомъ разсказѣ проносятся какъ на экранѣ кинематографа, движутся, машутъ руками, но въ то время, когда только что стараешься пристальнѣе взглянуть въ нихъ, исчезаютъ.

Рисуется жизнь нищая, безтолковая, безъ какихъ-либо нравственныхъ устоевъ, полуживотная. „Нѣтъ никакихъ природныхъ правъ и потому мѣщане—первые хриstopродавцы“, говоритъ резонеръ разсказа. Но въ этой тьмѣ жизни мелькаютъ силуэты людей незаурядныхъ, бьющихся въ ней въ стремленіи къ свѣту—философа Тиунова, изобрѣтателя Павла, и поэта Симы. И какъ бы резюмируя смыслъ кинематографическихъ картинъ своихъ, Горькій говоритъ въ концѣ разсказа устами философа Тиунова:

— Сколько я видѣлъ людей, сколько горя постигъ человеческого! Любятъ люди горе, радость—вдвое! И скажу тебѣ отъ сердца: хорошъ есть на землѣ русскій народъ! Дикій онъ, конечно, замордованный и весьма несчастенъ, а—хорошъ, добротный, даровитый народъ! Вотъ—ты погляди на него пристально и будешь любить. Ну, тогда, братъ, зацѣпъ!

Нужно замѣтить, что этимъ выраженіемъ

нѣжной любви къ русскому народу кончается и рассказъ „Лѣто“. Въ этомъ чувствуется изгнанникъ, оторванный отъ родины, но стремящійся къ ней всѣмъ сердцемъ своимъ, которому издали кажется сладкимъ „и лимъ отечества“.

Лучше всего удался Горькому въ рассказѣ поэтъ Сима. Рисуетъ его Горькій нѣжными, граціозными мазками, и предъ читателемъ вырисовывается образъ „поэта милостью Божію“, который творитъ потому, что природа его къ тому побуждаетъ, стремясь, какъ дорогой пвѣтокъ, заброшенный среди бурьяна, къ свѣту, къ солнцу. Самъ Горькій поэтъ, онъ даже началъ свое творчество такими-же стихами, какъ Сима, и образъ Симы иллюстрируется авторомъ стихами, ирєкрасно написанными, чрезвычайно подходящими къ данному образу.

Когда прочтешь рассказъ: „Городокъ Окуровъ“ въ этой книжкѣ „Знанія“, то кажется, что онъ уже оконченъ. Этотъ рассказъ—рядъ сценъ, и нѣтъ въ немъ завязки, которая требовала бы продолженія. И мы съ удивленіемъ увидали въ объявленіи о 29 книжкѣ „Знанія“ (мы говорили о 28-ой) снова рассказъ Горькаго: „Городокъ Окуровъ“. Очевидно, это продолженіе.

Въ послѣдней книжкѣ „Бодраго слова“ помѣщенъ рассказъ г. Яблочкова: „Гибель „Звѣзды““. Авторъ почти нижегородецъ, по крайней мѣрѣ въ 1901—1902 г.г. онъ жилъ въ Нижнемъ, и многіе, можетъ быть, его помнятъ. Онъ уже не новичекъ въ литературѣ, когда-то рассказъ его былъ напечатанъ въ журналѣ „Жизнь“, но въ послѣднее время появилось нѣсколько его рассказовъ, обнаруживающихъ въ авторѣ незаурядное дарованіе. И рассказъ „Гибель „Звѣзды““ написанъ красиво, всѣ лица его рисуются ярко и типично. Тема—сумасшествіе машиниста на пароходѣ, которому въ мѣрѣ видится господство Сатаны. Помѣшательство машиниста, изображаемое съ большой психологической глубиной, имѣетъ и глубокой общественной смыслъ, какъ отраженіе общественныхъ явленій на больномъ мозгѣ.

Можно констатировать, что однимъ хорошимъ талантомъ въ нашей литературѣ стало больше. И вѣдь не мало у насъ теперь литературныхъ талантовъ, можно сказать, что наша литература даже богата ими, только жизнь бѣдна, или скорѣе дика. И это отражается и на нашихъ талантахъ.

Читатель.